

Книжная полка

Р.В. Комаров

Введение В ПСИХОЛОГИЮ ОДАРЕННОСТИ

Комаров Роман Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, ученый секретарь ГАОУ ВО МГПУ.

Статья представляет собой фрагмент одноименного учебного пособия, полная версия которого будет опубликована в электронном приложении к одному из следующих номеров журнала (на CD-диске). В пособии последовательно раскрываются наиболее существенные аспекты проблемы одаренности: основные подходы к ее исследованию, ведущие концепции и теории, формы и методы выявления и развития; дан анализ возможностей компьютерной диагностики; систематизированы подходы к прогнозу развития; освещены личностные особенности и психологические кризисы одаренных детей. Особое место отведено роли родителей и педагогов в судьбе одаренного ребенка.

Пособие адресуется педагогам образовательных учреждений, психологам и широкому кругу специалистов, заинтересованных в данной тематике.

Ключевые слова: одаренность, личностные особенности, типы одаренных детей, психологические особенности одаренных детей, проявления одаренности.

ГЛАВА 1. ЧТО ТАКОЕ ОДАРЕННОСТЬ

1.4. Личностные особенности одаренных детей

В психологии существует правило: мыслит не мышление, а человек. Это правило как нельзя кстати подходит в качестве психологического девиза практической работы с одаренными детьми. Какие бы яркие способности одаренный ребенок ни демонстрировал, насколько разительным бы ни оказался разрыв между его возрастом и масштабом достижений, он, в первую очередь, остается личностью с присущими ей человеческими особенностями, делающими его непохожим на остальных. И хоть способности одаренного, его высокий потенциал ни на минуту нельзя выпускать из виду, работа с таким ребенком должна начинаться, прежде всего, с ним как с уникальной личностью, где потенциал только часть ее проявлений.

В настоящее время в отношении личностных особенностей одаренных детей психологическая наука накопила богатый материал.

Так, обобщая свой опыт работы с одаренными, Л. Сильверман показала, что в числе черт личности у одаренных детей чаще всего можно встретить: способности к рассуждениям и решению проблем, способность к быстрому обучению, обширный словар-

ный запас, отличную память, длительную концентрацию внимания, индивидуальную чувствительность, сострадание к другим, перфекционизм, напряженность, моральную чувствительность, необычное любопытство, заикленность (персеверацию), если интересно; высокую степень энергии, предпочтение старших товарищей, широкий круг интересов, отличное чувство юмора, раннюю или страстную способность к чтению, озабоченность правосудием, справедливостью, зрелость не по годам, острую наблюдательность, пылкое воображение, высокую степень творчества, тягу к власти, авторитету; способности к работе с числами и образными головоломками.

В исследовании Баррона и Харрингтона было выявлено, что одаренные и высокотворческие индивидуумы, проявившие достижения в прикладных областях, обладают следующими «*сущностными чертами*»: высокой оценкой эстетических качеств в опыте, широкими интересами, привлекательностью к сложности, высокой энергетикой, независимостью суждения, автономией, интуицией, уверенностью в себе, способностью решать антиномии или аккомодировать очевидно противоположные или противоречивые черты в едином концепте себя, стойким восприятием себя как «творческого».

Особый личностный тип одаренности — самоактуализаторов — описал А. Маслоу. Их отличают: более эффективное восприятие реальности и более комфортабельные отношения с ней; принятие (себя, других, природы); спонтанность, простота, естественность; центрированность на задаче (в отличие от центрированности на себе); некоторая отъединенность и потребность в уединении; автономия, независимость от культуры и среды; постоянная свежесть оценки; мистичность и опыт высших состояний; чувства сопричастности, единения с другими; более глубокие межличностные отношения; демократическая структура характера; различие средств и целей, добра и зла; философское, невраждебное чувство юмора; самоактуализирующееся творчество; сопротивление аккультурации, трансцендирование любой частной культуры.

Исследования отечественного психолога В.С. Юркевич привели к выводу, что в практической работе с одаренными детьми отчетливо выделяются две выборки, каждая со своими качественными психологическими особенностями.

Первый тип одаренных детей получил название «*особая одаренность*». Его отличают:

- 1) особый тип развития с младенчества (он может быть по определенным параметрам как ускоренным, так и замедленным);
- 2) существенное отставание потребности в общении от познавательной потребности;
- 3) наличие ярко выраженных проблем развития, включая патологию (проблемы общения, эмоциональной регуляции, толерантности к неопределен-

ности, адаптации к социуму в целом, дисинхронии, аутичность и др.);

- 4) особые условия в семье (идентификация с матерью, авторитарный тип воспитания со стороны отца и т. п.).

Второй тип одаренных детей — «*нормальная*» одаренность («*высокая норма*»). Характеристики этого типа контрастны первой группе:

- 1) нормальный тип развития (отсутствие диссинхронии);
- 2) благоприятные семейные и социальные условия;
- 3) высокая социальная адаптивность и благополучность.

Отдельный интерес для практики работы с личностными особенностями одаренных детей представляет вопрос, как они справляются со своими эмоциями.

В связи с этим в 1982 году А. Роергер на основе многолетнего опыта работы с одаренными предложила типологию, в которой личность одаренного ребенка рассматривалась целостно, с тем чтобы за аналитическим подходом, смещающим акцент на интеллект таких детей, не потерять их эмоциональную сферу. Соответственно, ею было выделено 6 типов одаренных детей: «перфекционисты», «маленькие взрослые», «победители конкурса», «исключения», «самокритичные» и «хорошо интегрированные дети».

Тип «Перфекционист»

Для перфекционистов, в первую очередь, свойственна мощная мотивация достижения. «Потерпеть неудачу, — пишет о них А. Роергер, — право для других, но не для себя; их эмоциональная потребность состоит в том, чтобы быть лучшим». Психологическим механизмом появления этого типа чаще всего становится открытый А. Адлером механизм компенсации комплекса неполноценности, который толкает их на достижения. Не столько ради самих достижений. Последние, чаще всего, выполняют инструментальную функцию и выступают средством оправдать ожидания взрослых. Если ребенок-перфекционист не в состоянии им соответствовать, он расценивает это как свою личную вину, а не как возрастное ограничение потенциала.

В итоге с детства перфекционисты раздираемы невротическим противоречием между чувством своего превосходства (благодаря достижениям над другими детьми) и неадекватно заниженной самооценкой в силу того, что его потенциал, его одаренность — всего лишь инструмент в руках взрослых (учителей и родителей), которые, получая с его использования различные социальные дивиденды (победы в конкурсах, признание и т. п.), не замечают, что ребенок всё видит и осознает, что его любят за его дар, тогда как он, как все дети, хочет безвозмездной любви, справедливо замечает А. Роергер.

Отсюда гипертрофированный страх неудачи: «или он лучший, или он не имеет влияния на своих родителей». Единственная награда — их похвала.

Тип «Маленький Взрослый»

Одаренный ребенок этого типа ведет себя как взрослый. Точнее: как вызывающий взрослый. С ним часто связаны проблемы поведения: непослушание, агрессивные выходки и т. п. Не потому, что агрессивен. Как пишет А. Роерер, Маленькому Взрослому «необходимо поддержать эту иллюзию», ибо роль, которую он выбрал, как и у Перфекциониста, тоже защитная — от недоверия взрослым. Где-то в детстве на каком-то этапе, наблюдая за слабостями взрослых, Маленький Взрослый это доверие утратил и почувствовал, что может доверять только себе. Так, например, произошло с маленьким Зигмундом Фрейдом, когда у него на глазах унизили его отца, а тот вместо достойного отпора проявил малодушие.

Одаренность и достижения в этом случае выступают орудием власти, от которой одаренный этого типа эмоционально не в силах отказаться. «Маленький Взрослый, — пишет А. Роерер, — во многих отношениях похож на Перфекциониста с одним важным отличием. Перфекционист имеет тенденцию принижать свои чувства и права на свои эмоции, может жертвовать ради родителей. Маленький Взрослый защищен от инфантильности и чувствует, что имеет право так поступать».

Тип «Победитель конкурса»

Если Маленький Взрослый — типологически продолжение Перфекциониста, то Победитель конкурса продолжает Маленького Взрослого с той лишь разницей, что у него устоявшееся, реалистичное о себе представление. «В то время как Маленький Взрослый борется за свою элементарную безопасность, — описывает А. Роерер, — Победитель конкурса борется за воображаемые права». Под правами в данном случае понимаются права ребенка в семье на одного из родителей в ситуации эдипова комплекса. То есть психологическая причина развития этого типа одаренности носит психоаналитический характер: ребенок вступает в конкуренцию с родителем своего пола, ощущая себя умнее и способнее, а значит, имеющим и больше прав.

Тип «Исключение»

Исключение — это тип совестливого одаренного ребенка, у которого морально-этические качества заявляют о себе довольно рано, вступая в противоречие с естественным для детского возраста чувством нарциссического превосходства. Исключения весьма быстро осознают, что «другие имеют законные потребности и права, которые могут или не могут соответствовать их собственным потребностям». Через это осознание у одаренных данного типа развивается способность идентифицировать себя с другими и эмпатия.

Вместе с тем, к числу Исключений относятся и такие одаренные, кто, имея явный потенциал, напротив, никогда не примиряется с потребностями других. Их эгоцентризм «затмевает им глаза» во многом по вине родителей, которые, не всегда осознанно, поддерживают его.

Дети-Исключения, отмечает А. Роерер, похожи на Маленьких Взрослых, потому что «чувствуют себя выше взрослых, но, в отличие от Маленького Взрослого, Исключения считают себя вне системы. Исключения также похожи на Победителей конкурса тем, что оба чувствуют себя выше противоположного пола».

Тип «Самокритичные»

Название этого типа говорит само за себя. Самокритичные одаренные находятся в поиске своего Я. Их ожидания расходятся с их эмоциями, мыслями и поведением. Выполняя работу, им приходится помногу раз себя перепроверять. Не потому, что результат их труда некачественный. Нет. Потому, что себе нет доверия. Это недоверие превращается в навязчивость. «Эти дети, — пишет А. Роерер, — чувствуют, что их обязанность — исправить мир вокруг себя, однако они смотрят на себя как на неспособных сделать это. Этот тип отличается от всех ранее описанных типов тем, что они не верят в их одаренности, они верят только в их обязанности».

Тип «Хорошо интегрированный ребенок»

Этот тип одаренных — образец благополучия. Их поддерживают родители. Они успешны. Одновременно они автономны, воспринимают себя реалистично. Осознают, что «неудача — это часть обучения, и что положительные и отрицательные эмоции — базовая часть жизни». Одаренность выгодно выделяет их из числа сверстников. Максималистское чувство всемогущества они перерастают естественным образом. Как носители одаренности, зачастую они более разборчивы в мировых проблемах и чувствуют перед своим потенциалом обязательство постоять за свои убеждения.

Удачным дополнением к типологии А. Роерер может служить частично с ней пересекающаяся еще одна практико-ориентированная типология одаренных детей. Ее разработали G. Betts и M. Neihart на основе интервью, наблюдений и анализа литературы. Ими также выделено 6 типов одаренности.

1. «Успешные» (The Successful)

Приблизительно составляют 90% от тех, кого признают одаренными в образовательных учреждениях. Они демонстрируют поведение, переживания и потребности, типичные для системы образования. Они слушаются учителей и родителей. Именно им свойственна высокая академическая успеваемость. Их перфекционизм может носить не защитный компенсаторный характер, а быть проявлением положительного закрепления. Как все перфекционисты, они ищут чужого одобрения. Привычная им социальная адаптивность идет в ущерб уверенности в себе, творческому подходу и автономии тогда, когда ситуация требует принять рискованное решение.

2. «Бросающие вызов» (вызывающие, The Challenging)

Это, как правило, креативщики с развитым дивергентным мышлением. Они творческие во всех проявлениях и аспектах жизни. Мятеж — их привычное со-

стояние. Школьной системе оказывается зачастую не под силу идентифицировать их одаренность, поэтому нередки случаи, когда вызывающие одаренные попадают в группу риска на выбывание из школы за плохое поведение или низкую успеваемость. На их примере чаще всего совершается губительная ошибка, когда творческого человека приравнивают к асоциальной девиантной личности.

3. «Андеграундные» (*The Underground*)

Этот тип одаренных еще может быть назван замаскированным или скрытым. Дабы не выделяться на фоне посредственных «средних» сверстников, быть как все, они часто сознательно не афишируют свои истинные одаренности. Группу андеграундных, как правило, составляют беспокойные неуверенные девушки со страхом общественного признания. Эти личностные проблемы блокируют развитие одаренности до уровня таланта.

4. «Отвергнутые» (*выброшенные; отбросы; The Dropouts*)

Эту группу учащихся (школьников и студентов) составляют ребята, озлобленные на систему образования за то, что в ее условиях их потребности и возможности не были признаны на протяжении многих лет. Они считают, что их достижения не соответствуют их способностям. Идентифицировать детей этой категории получается с запозданием, которое приводит к необходимости оказания консультативной и других форм психологической помощи.

5. «Дважды исключительные» («дважды меченые»; *одаренные инвалиды; The Double-Labeled*)

У детей этого типа их одаренность развивается наряду с физической или эмоциональной инвалидностью. Их учебные способности могут ухудшаться под влиянием обучения у педагога, некомпетентного в вопросах работы с одаренными. К сожалению, школьные системы фокусируются на их недостатках вместо акцентирования сильных сторон и талантов.

6. «Автономные учащиеся» (*The Autonomous Learner*)

Эта группа состоит из детей, усердно работающих на уроках. Такие дети в конечном итоге становятся успешными и берут на себя руководящую роль. У них высокие показатели эмоционального интеллекта и саморегуляции. Они внутренне мотивированы на достижение целей, которые перед собой поставили.

В 1999 году к типологии G. Betts и M. Neihart по инициативе Bevan-Brown был добавлен седьмой тип одаренности — культурный.

7. «Культурные» (*The Cultural*)

Те учащиеся, кто, как правило, не опознан как имеющий исключительные способности. Причина того, что их принимают за неодаренных, лежит в их низкой самооценке и невысоких ожиданиях от них со стороны педагога. Их одаренность может рассматриваться только в ракурсе потенциальной.

ГЛАВА 2. ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОДАРЕННОСТИ

2.1. Стихийные проявления одаренности

Психология знает множество случаев стихийного проявления одаренности. Каждый из них — повод для спора о том, что им послужило причиной: наследственная предопределенность либо средовые влияния. «Биографии великих людей, — отмечал В.П. Эфроимсон, — содержат множество прямых и косвенных указаний на решающую роль избирательно воспринятых детско-подростковых впечатлений».

Эти ранние детские впечатления, задающие вектор личностного развития, формирующие жизнеопределяющие установки и ценности, действующие подсознательно на всю жизнь и творчество, получили название импрессионгов. *Импрессионг* — психологический аналог широко распространенного в животном мире, генетически детерминированного механизма импринтинга. Впервые явление импринтинга открыл нобелевский лауреат, один из основоположников этологии К. Лоренц, изучая серых гусей, которым сразу после их рождения он заменил мать. В переводе импринтинг означает «запечатление».

Как особая форма обучения он характеризуется рядом специфических черт: одномоментным установлением связи с объектом, попавшим в поле взаимодействия (до импринтинга спектр таких объектов может быть крайне широк); образованием связи в ограниченный, особо чувствительный (сензитивный) период времени; стойкостью установившейся связи, образованной без подкрепления и не требующей подкрепления; необратимостью связи (образовавшись однажды, она образуется раз и навсегда).

Импрессионги по своей сути очень напоминают импринтинги (за что удостоились второго названия — социальные импринтинги): здесь тоже есть стойкая связь с каким-то явлением или объектом; эта связь также носит ярко выраженный эмоциональный (страстный) характер; «зерно» жизнеопределяющего впечатления тоже ложится в «благодатную почву» повышенной сензитивности, подтверждая как частный случай формулу Ж. Пиаже: чтобы стимул вызвал реакцию, прежде организм должен быть готов ассимилировать этот стимул.

Открытым лишь остается вопрос относительно природы сензитивности, обуславливающей избирательную восприимчивость к воздействию. Факт наличия такой восприимчивости провоцирует пойти по пути наименьшего сопротивления и спекулятивно объяснить ее наследственным фактором, в доказательство чему обычно приводят примеры выдающихся семей, таких как семья Бахов, или «образцово-показательный» пример семьи Моцартов. На последней задержимся.

Что обычно — из публикации в публикацию — не критически тиражируется про маленького Вольфгер-

ля (уменьшительно-ласкательное обращение к Амадею в семейном кругу)?

Мать — дочь клирика, добрая женщина с приветливым лицом. Музыкальных способностей не проявляла. Судьба уготовила ей испытание: из семерых рожденных детей до зрелости дожили только двое. Одному суждено было стать гением и утвердить их род в веках. Детей своих Анна Мария любила. Когда выдавалась возможность, баловала, не зная меры. Скончалась она от лихорадки, сопровождая сына в туре по Парижу.

Леопольд Моцарт — скрипач и весьма плодовитый придворный композитор архиепископа Зальцбургского. Из-под его пера вышли сонаты, симфонии, пьесы религиозной музыки, оратории, марши, несколько сот менуэтов, военная и турецкая музыка и т. д., и т. д. А главное, он — автор непревзойденной, по мнению Б. Паумгартнера, практической методики обучения игре на скрипке. На этой методике выросло не одно поколение музыкантов. В том числе по ней музыкальным ремеслом овладевали дети Леопольда.

Оба ребенка довольно рано проявили музыкальные способности. Наннерль — сестра — была старше Вольфганга на четыре с половиной года. К одиннадцати годам она виртуозно справлялась с исполнением на клавесине сложнейших сонат и концертов. Когда ее брат занял законное место в организованной отцом «артистической артели», одно время их даже рассматривали на равных по таланту. Правда, недолго. Силой воображения и способностями к сочинительству Вольфганг очень быстро затмил сестру.

Наконец, Амадей. Что известно о нем? Роды прошли тяжело. Ребенок уродился на свет болезненным. Молоко его хрупкий организм не переносил, поэтому долгое время мальчика были вынуждены кормить подслащенной водой. Вольферль рос беспроблемным ребенком: в меру любопытным, открытым миру. Любил животных, особенно птиц. Канарейки всю жизнь восхищали его своим пением. (Тот же трепет к птицам испытывал, кстати, и Леонардо да Винчи. Его завораживал их полет. Он даже часто скупал их, чтобы просто отпустить на волю).

Может быть, именно рулады канареек стали первым импрессионгом, заложившим кирпичик в фундамент скорого таланта гениального музыканта. Возможно. И легкость именно их пения вплелась в канву моцартианского начала...

Что точнее: как минимум, два ярких импрессионга ранних лет жизни сделают свое дело.

Один будет связан с вечерами в семье Моцартов. Почти ежедневно Леопольд устраивал концерты. Со своими инструментами собирались друзья: трубач Иоганн Андреас Шахтнер, священник отец Буллингер, Лоренц Хагенауэр — хозяин дома, в котором жили Моцарты, и другие. Крошечный Амадей, разумеется, не упускал ни звука с того самого момента, когда музыканты только начинали настраиваться. А поскольку природа наделила его прекрасным задатком музыкальных способностей — абсолютным слухом, то есть

феноменальной памятью на высоту звуков, то ему не составляло труда по многу раз напевать услышанные мелодии, что, естественно, не ускользало от внимания отца, выжидавшего время, чтобы взяться за систематическое музыкальное развитие сына.

Второй импрессионг произошел, по-видимому, в возрасте около двух с половиной — трех лет. В это время Леопольд Моцарт принял решение, что момент настал — пора браться за музыкальное образование дочери. Занятия проходили в комнате с клавесином. Отец методично обучал ее азам музыкального ремесла, последовательно расширяя круг упражнений. Вольфгангу во время занятий свидетелем происходящего быть не воспрещалось. Уточнять, что мальчик не пропустил ни одного урока с сестрой, излишне.

«Когда урок Наннерль заканчивался и отец выходил из комнаты, — пишет М. Брион, — Вольферль поднимался на цыпочки и, дотянувшись до клавиатуры клавесина, проворными крошечными пальцами подбирал те мелодии, которые только что играла сестра, или те, что они вместе распевали. Он по несколько раз повторял особенно понравившуюся ему музыкальную фразу и развлекался тем, что бесконечно варьировал заинтересовавшую его тему. Создавалось впечатление, что он жил музыкой, она свободно проникала в самую глубь его существа, становясь второй натурой».

Потом, как известно из биографии, в четырехлетнем возрасте была чудесная история со сложнейшим концертом, который, еще не имея толком представления о нотной грамоте, сочинил Амадей, а отец отозвался: «Как здесь всё точно и гармонично! Правда, сыграть это невозможно: никто не смог бы исполнить этот труднейший кусок». К сожалению, от сочинения не сохранилось ни фрагмента, чтобы можно было, разобравшись — где явь, а где вымысел, дать непредвзятую оценку его качеству. Затем удивительное овладение в шестилетнем возрасте скрипкой, хотя отец якобы отказался обучать игре на ней, отпустив ситуацию на откуп таланту сына. И конечно, триумфальные выступления чудо-ребенка.

Казалось бы, всё говорит «за» концепцию схождения двух факторов. В примере с Моцартом вроде бы есть доказательства влияния, с одной стороны, наследственности, подготовившей «почву» избирательной восприимчивости всего, что так или иначе связано с музыкой; с другой, есть и средовые влияния (главным образом, социальная преемственность в виде воспитания от отца-музыканта), которые посредством импрессионгов задали музыкальный вектор движения, потеснив другую многообещающую способность — математическую. Как знать, будь Леопольд Моцарт не музыкантом, а математиком, мир в лице Вольфганга, возможно, знал бы достойного преемника Декарта и предшественника Гаусса.

Однако при ближайшем рассмотрении конвергентная интерпретация не выдерживает критики, потому что действительное психологическое основание сензитивности Моцарта к музыке лежит не столько в его наследственности (что требует строго научного дока-

зательства, которым в настоящее время психогенетика не располагает), сколько в его системе ранних социальных отношений, где системообразующую позицию занимал, естественно, отец.

Еще несколько штрихов к портрету Леопольда Моцарта.

Глава семьи, подчинив жену и детей своей воле, обладал в доме непререкаемым авторитетом. Не раз Вольферль признавался, что любит отца и чтит его вторым после Бога.

Чем достигалось подобное отношение? Положение Леопольда в обществе — лишь вершина айсберга. Стержень его абсолютного авторитета в семье — особенности характера. Это был черствый, сухой деспот. Подозрительный, мрачный и злобный тиран. Чересчур ко всем требовательный. Несмотря на свою продуктивность, как музыкант посредственный. Его музыка — «мертвая музыка, которую никто не намерен возрождать», — заявляет Шуриг, — не больше чем приемлемое ремесленничество прикладного назначения, добросовестное, но не несущее в себе никакой духовной концепции, никакой фантазии и никакого собственного видения».

Эта рационалистическая музыка, отмечает М. Брион, соответствовала влюбленному в дотошный порядок методическому характеру, лишённому полета и подлинного вдохновения.

Лучшей художественной иллюстрацией личности музыканта Леопольда Моцарта — исполнителя, композитора и учителя — может, по сути, служить образ пушкинского Сальери, имеющий мало общего с истинным Антонио Сальери.

«Внимательное изучение, — заключает Шуриг после тщательного анализа этой малопривлекательной и малопочтительной личности, — позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с образцом респектабельного мелкого буржуа». Амбициозный, прагматичный, жаждущий денег и славы, склонный повсюду видеть завистников и конкурентов, ограниченный педант, Леопольд был спесив в обращении со стоящими ниже его и услужлив с вельможами».

На фоне любящей матери отец представлял для детей ее контрастом: скупым на проявления нежности и ласки, требовательным суровым цензором. Бессмысленно было ждать от него чувственных порывов. Максимум, на что могли рассчитывать дети — заслужить их, оправдав завышенные ожидания; ожидания амбициозной посредственности с претензией на талант, который, с его точки зрения, обязан был передаваться по наследству детям.

Отсюда как раз — из ситуации эмоциональной депривации со стороны значимого взрослого — берет корни столь сильная психологическая идеализация отца. Механизм ее лежит во фрустрации базовых детских потребностей.

А. Маслоу выделил всемирно известную пирамиду таких потребностей. Как ступени лестницу, иерар-

хию выкладывают: физиологические потребности; потребности в безопасности; потребности в принадлежности и любви; потребности в уважении; потребность в знании и понимании; эстетические потребности; потребность в самоактуализации и потребность в трансценденции. Первые четыре объединены в группу так называемых дефицитарных потребностей. Последние две образуют группу потребностей роста. Эстетическая и познавательная потребности занимают между ними переходное положение.

Фрустрация дефицитарных потребностей порожила у маленького Вольферля базальную тревогу и невротическое чувство вины, подтверждая предложенную З. Фрейдом условную формулу одаренности: «Анализ характера высокоодаренных, особенно имеющих способности к художественному творчеству лиц, — писал он, — открывает различную смесь работоспособности, перверзий и невроза».

Причиной невроза служила структура родительско-детских отношений, ведь обычно родители любят своих детей непосредственно, безусловно. Так любила Амадея мама. Но — не отец. Почему? Ответ на этот вопрос напрашивался только один: значит, с ним, с Вольфгангом, что-то не так. Не может же быть что-то не так с отцом.

Это чувство вины усиливало грозный авторитет отца и подкреплялось естественными ревнивыми реакциями: Амадей видел, как радикально менялся отец, когда собирались его друзья, — становился легким, чувственным и оживленным. Проводником-посредником к этим переменам служила музыка.

Ревновал неосознанно маленький Вольфганг и к сестре: ей было всё внимание, с ней занимались, потому что она старше, а он, словно изгой, оставался в ее тени. За музыкальными успехами Наннерль отец его, как ему казалось, не замечал. Естественный детский нарциссизм ущемленный страдал от этого. Сыну во что бы то ни стало хотелось доказать, что он тоже имеет право на внимание; что он не хуже и даже лучше. Его Я может представлять и представляет значимость. Он, Вольфганг, достоин любви. И он это обязательно докажет. Если возраст не позволяет быть взрослым, за него это сделают «взрослые» достижения.

«Младенческий сенсорный голод, — пишет Э. Берн, — в конечном счете трансформируется в жажду быть замеченным или потребность в признании».

Средства в этой гонке достижений подсказывает сама жизнь. На «почву» суррогатной мотивации достижения и ложится импрессионизм: если доминантная страсть отца — музыка, ей и стать психологическим орудием неосознанного завоевания его нежности.

Как рассказывал друг Леопольда Моцарта Иоганн Шахтнер, когда отец вчитался в листок с закорючками Вольферля, разглядев за каракулями тот самый концерт, он «надолго застыл в каком-то оцепенении, не в силах оторвать взгляд от листа бумаги. По его щекам покатились слезы восхищения и радости».

Разве не этого эффекта добивался Амадей?! Суррогатная мотивация достижения принесла его погранной самооценке первые сладостные плоды. Признал! Признал-таки отец его, сыновья, достижения. Отныне тот мог гордиться, что сын носил его фамилию. Всех детей любят за «просто так»; просто за то, что они есть. А ему пришлось родительское чувство завоевывать ценой иных усилий.

Почему мотивация «суррогатная»? Потому, что по качеству, содержательно она носила компенсаторный характер.

Главный теоретик идеи компенсации А. Адлер категорично обобщал на весь род людской: «На протяжении всего своего развития ребенку присуще чувство неполноценности по отношению к родителям, братьям, сестрам и к окружающим. Из-за физической незрелости ребенка, из-за его неуверенности в себе и несамостоятельности, вследствие его потребности опираться на более сильного и из-за часто болезненно переживаемого подчиненного положения среди других у него развивается чувство ущербности, которое проявляется во всей его жизни».

Развитие этого чувства, продолжал А. Адлер, тянет за собой появление, по одну руку, стремления к власти и превосходству; по другую руку, расплывчатой и неустойчивой конечной цели — идеала физического или психического совершенства. Зародившаяся фиктивная цель — совершенствование — упорядочивает душевные движения в единую линию активности, так что каждое отдельное душевное движение подготавливает акт, следующий за ним, и представляет собой не что иное, как искусную уловку, облагораживающую привкусом чувства полноценности и триумфа компенсацию чувства неполноценности.

Основным орудием компенсации, по мнению А. Адлера, выступают упорство и творческий потенциал человека. Потенциал есть в каждом. А. Адлер категорически отвергал существование природных, наследственных способностей. Проявляясь в процессе компенсации, потенциал в нем же и развивается и призван помогать в борьбе с препятствиями, на сопротивление которых человек постоянно наталкивается на своем пути, будь то собственная физическая слабость или трудности в социальных отношениях. То есть каждый шаг человека окутан пусть субъективным, но творчеством. И таким образом, подводил итог А. Адлер, процесс компенсации, глубоко лежащий в основе всей человеческой жизни, — творческая сила.

Что в детстве Моцарта, скорее всего, так (или приблизительно так) и было, и что психоаналитическая интерпретация имеет право претендовать на истинность, говорит одна психологическая «кричащая» пометка — деталь, в которой «скрывается дьявол».

Поражаясь таланту сына, Леопольд предприимчиво смекнул: «Куй железо, пока горячо»; отказался от собственного творчества в пользу творчества Амадея и взял на себя функции его импресарио. С шестилетнего возраста начались гастроли по Европе. На кон-

церты с участием вундеркиндов коронованные особы во все времена были весьма охочи. Здесь-то Вольферль, оглушенный успехом, купаясь в атмосфере обожания, неосознанно выдавал то сокровенное, что давно таилось. Нередко ответной реакцией на умиления и порывы нежности зрителей он заставлял их врасплох: «А ты вправду меня любишь? Очень-очень любишь?» — задавал он наивный вопрос.

Нет, не чувствовал, интуитивно не чувствовал он доверия. Тревога не давала покоя: такое отношение к нему — настоящее ли? Ему амбивалентно и верилось, и не верилось. Хотелось верить, но по отцу он знал, что любовь — явление мимолетное; рассчитывать на нее надолго не приходится. Она как награда. Ее можно лишь тяжелым трудом заслужить.

Личность и судьба Моцарта — лишь один из примеров интерпретации биографического материала путем восхождения от абстрактного к конкретному: от закономерностей, открытых психологической наукой, к фактам и явлениям судьбы одаренной личности. Ступая таким путем, практико-ориентированная психология, не опасаясь утратить связи с теорией, имеет право на методологический редукционизм с применением так называемой «бритвы Оккама».

«Бритва (или лезвие) Оккама» — это методологический принцип (иначе его еще называют законом экономии или принципом бережливости), суть которого сводится к мысли о том, что из нескольких непротиворечивых интерпретаций какого-либо явления верным признается самое простое из них. То есть то, что достаточно, лучше того, что избыточно. «Без необходимости не следует утверждать многое», — писал в XIV веке философ У. Оккам. «Всё следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того», — перефразировал А. Эйнштейн.

В соответствии с принципом Оккама, проявления детской одаренности часто поддаются интерпретации без «оглядки» на фактор наследственности. Так, в призме судьбы Моцарта безотносительно наследственности преломилась довольно расплывчатая психоаналитическая схема «рождения» таланта: *дисгармоничные отношения в семье* ⇨ *эмоциональная депривация* ⇨ *фрустрация базовых дефицитарных потребностей* ⇨ *невротические чувство вины и базальная тревога* ⇨ *комплекс неполноценности (недостаточности)* ⇨ *компенсация* ⇨ *импрессионизм* ⇨ *мотивация достижения* ⇨ *самоактуализация* ⇨ *достижения*, где невротицизация спровоцировала появление сензитивности, та обусловила импрессионизм, а их взаимодействие стало движущей силой развития. При этом связь самоактуализации с мотивацией достижения в каждом конкретном случае носит сложный диалектический характер, в том числе создавая предпосылки для кризиса одаренной личности.

Окончание в следующем номере.